

Эдвард Радзинский

Приятная женщина с цветком и окнами на север

Часть сборника
Пьесы

Эдвард Станиславович Радзинский

Приятная женщина с цветком и окнами на север

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159842

Пьесы / Эдвард Радзинский.: АСТ, Зебра Е; Москва; 2007

ISBN 978-5-17-055247-4, 978-5-9713-9168-5

Аннотация

Произведениям Эдварда Радзинского присущи глубокий психологизм и неповторимый авторский слог. «Приятная женщина с цветком и окнами на север» – пьеса о любви, о неизбывной женской вере в счастье, о надежде, которую невозможно убить никаким предательством.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эдвард Радзинский

Приятная женщина с цветком и окнами на север

Часть первая

Она в комнате – безумно хохочет, в дверь бешено колотят.

Мужской голос (*из-за двери*). Открой дверь! Дверь открой!

Она (*заливаясь нарочитым смехом*). Ха-ха-ха! Ну подохнуть! Ей – двадцать два, а рядом – ты! Апокин, я умираю! (*Хохочет*)

Голос. Царапай меня! Царапай!

Она. Ты – с плешивой рожей, и рядом двадцатидвухлетняя куропатка! Смертельный номер! Люди на улицах будут валяться от смеха... Ой, держите меня, надорву животик.

Голос. Царапай, царапай! (*Стучит в дверь*) Открой дверь!

Она. Прямо разбежалась! Меня не каждый день бросают. Перед таким объяснением надо щечки подкрасить, глазки подвести. Мне ведь не двадцать два года, как твоей вертлявой сучке. Мне приукраситься надо! Я вон вельветовые брю-

ки новые надеть хотела. (*Покатываясь со смеха*) А влезть не могу! Они мне только-только. Надо завтра на работе меня на стол положить и янажать.

Голос. Дверь! Дверь открой!

Она. Зачем?

Голос. То есть, как – зачем? Я принес личные вещи! Цветок твой любимый герань! И еще там кое-что...

Она (*вновь припадок смеха*). Ха-ха-ха! Апокин, у тебя ведь печень! Тебе диетический обед готовить надо! Ой, держите меня! Хорошо, что брюки не надела – в них смеяться нельзя!.. Хо-хо-хо! Апокин, я когда к тебе иду на свидание, за мной бегут собаки со всего района. Потому что я иду к любимому – с судками с диетическим обедом. Твоя тетерка в двадцать два года тоже к тебе с судками потопает?

Голос. Царапай, царапай меня.

Она. Хи-хи-хи! Хо-хо-хо.

Голос. Аэлита, ты пьяная, я чувствую!

Она (*сухо*). Есть из-за чего. Да мне плевать на тебя. Живи хоть с сенокосилкой. Мне просто обидно. Я пять лет валандалась с тобой. Кто ты мне был? Муж? Ты со мной не расписался. Любовник? Ага, раз в год по обещанию, после дождичка в четверг. У тебя ведь все время – печень. Родственник – вот ты кто! Мой родственник Апокин. (*Крушит мебель.*)

Голос. Аэлита! Истеричка, открой дверь! Мне передать надо!

Она. У двери положь.

Чашка летит в стену.

И мотай отсюда, родственник! Вали к своей цесарке!

Голос. Не могу! Я семьсот пятьдесят рублей принес, которые ты на телевизор «Рубин» собрала. Не могу я их оставить у двери.

Она (*выкрикивая*). Он не может! Родственник! Дядя! Он – честный дядя. «Мой дядя самых честных правил» – Пушкин так написал. И у Лермонтова между прочим тоже есть про дядю: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» Слушай, Апокин, почему у них сплошные дяди? Знаешь, Апокин, я сейчас поняла, что мне обидно. Я пять лет жила с человеком, который, в общем-то, не в моем вкусе... И он же меня бросил. (*Молча открывает задвижку на двери*)

Апокин врывается – и с размаху падает на пол. Потом поднимается, в изумлении смотрит на нее.

Что уставился?

Апокин. Какая у тебя прическа?

Она. Да, вот такая у меня прическа.

Апокин. Значит, и прическу себе соорудила... как у этой актрисы.

Она. Как у нее соорудила. Еще что спросишь, родственник, Пушкин-дядя?

Апокин. Лыжи твои у меня на балконе стоят. Когда захочешь – возьмешь. Семьсот пятьдесят рублей вот – кладу, *(Пересчитывает.)* и цветок я принес твой – герань. *(Ставит горшок с цветком)*

Она. Руки прочь от цветка. *(Хватает цветок, нежно прижимает к груди)* Геранька... цветик... цветонька любимая...

Апокин. Ишь, голосом нежным замурлыкала... Ну как эта актриса! Даже в голосе ей подражаешь... Даже брюки вельветовые купила, как у нее в фильме. Тьфу, дурища! Ну помешалась баба! Добро молодая была бы! Пойми, эти брюки на ней – одно, а на твоей заднице...

Она. Ты что же нагличаешь, Апокин? Ты кто такой есть, чтобы меня учить? Что замолчал? Как твоя фамилия? Ты что не отвечаешь? *(Истерически)* А ну – ты кто такой? Апокин. То есть как?

Она. То есть так! Документ на стол! Живо!

Апокин. Ты пьяная?

Она. Документ предъяви! Рейду нас! Сукиных детей выявляем! Тараканов морим! *(Хватает Апокина за волосы)* Ты кто? Кто ты?

Апокин. С ума сошла??? Я... Апокин.

Она. Ты – Гитлер, который сделал пластическую операцию. *(Тихо-тихо,)* Уходи, ладно?

Апокин уходит, почти убегает. она медленно расставляет

стулья, подметает осколки. звонок телефона.

Женский голос. Герасимова, ты?

Она (*устало*). Я...

Голос. Шевчук Лида с завкома. Как самочувствие?

Она. Нормальное, не жалуюсь.

Голос. А вообще?

Она. Тоже хорошо.

Голос. Что звоню. Новый год – на носу. Мы списки новогодних бригад составляем – подшефных детей поздравлять. Ты – как, не против?

Она. Я, слава богу, пять лет езжу Снегуркой к подшефным – отказов вроде от меня не слышали.

Голос. В этом году, Герасимова, нюанс: от посылки мужчин дедами морозами решено воздержаться. Не оправдала себя эта практика.

Она. А я всегда говорю: надо от них, врагов, совсем избавляться. В прошлом году, например, в нашей бригаде были: Родионова, секретарша – Зайцем ее послали, я – Снегуркой... И Локотко, грузчик, – Дедом Морозом. Ну все ведут себя как люди. А Локотко в первую квартиру зашел – и сразу шарит глазами: где хозяин? Ну хозяин тут как тут – такой же оказался нахалюга! Удалились они на кухню, пока мы детям подарки вручали. До третьей квартиры Локотко уже глаза налил: бабу-лифтершу за пионера принял и все подарок ей вручить хотел! Стыд-позор!

Голос. Все так, Герасимова! К большому сожалению! И решили мы на завкоме эксперимент: послать в этом году дедами морозами женщин. Поэтому все женщины, которые давно ездят в новогодних бригадах... это ты в первую очередь, потом Родионова, Гуслицер – вас назначаем дедами морозами. А вам уже придадим снегурочек, зайцев, волшебников-космонавтычей. Ты как на это смотришь? Она. Положительно.

Голос. Только басом научись разговаривать. Ну ты в хоре поешь! Ты вон на эту актрису похожая – я думаю, бас освоишь! А теперь скажу тебе новость, для тебя интересную: ты у нас пятый год едешь в бригадах, слышишь меня?

Она. Не глухая.

Голос. И решили мы как-то тебя отметить: ты телевизор «Рубин» с сенсорным управлением достать хотела? (*Защептала.*) Слышь меня? На подшефном есть лимиты, поняла? С ними уже договоренность есть: продадут тебе! «Огонек» новогодний будешь по «Рубину» глядеть. Лады? Учись басом разговаривать. До скорого.

Она (*повесила трубку*). Басом, ишь ты! (*И вдруг запела тоненьким голоском частушку.*)

Я девчонка косопуза, у меня косое пузо.

Но хоть пузо на боку, я любого завлеку.

(*Пританцовывает.*) Эх! Эх! (*Остановилась.*) Гитлер! Ну

точно Адольф Гитлер!

Вагон скорого поезда. Купе на двоих. Она входит в купе, швыряет узел с шубой Деда Мороза на полку. Потом вынимает сумочку, пересчитывает деньги.

Она. Ничего... Вместо тебя, Апоша, я телевизор поставлю – пользы будет больше. Я сто таких родственников, Пушкиных-дядей на один телевизор сменяю! Тыщу! Ух, Апокин! Адольф! *(Грозит невидимому Апокину, кричит.)* Сукин ты сын! Гитлер!

Дверь открывается, входит мужчина – пожилой, элегантный, с легкой сединой.

(Захлопывая поспешно сумочку) Ой, простите ради бога. Это я не вам!

Он. Ничего-ничего. *(Глядит на сверток с шубой на своей полке, хочет переложить на верхнюю полку)*

Она *(торопливо)*. Я сейчас сама уберу.

Он. Что вы! Женщина ничего не должна делать сама в присутствии мужчины. *(Поднимает сверток.)* Не бьется?

Она. Да чего уж – все разбили. *(Засмеялась.)* Нет, это мой театральный костюм.

Он элегантно забрасывает сверток на полку, а она в это время быстро прячет сумочку с деньгами под подушку.

Он. Позвольте сесть?

Она. А чего вы спрашиваете? Это ведь ваша полка.

Он. Просто положено спрашивать, когда мужчина хочет сесть в присутствии женщины... Я позволю задать нескромный вопрос: кого вы собираетесь представлять в этом костюме?

Она. Деда Мороза.

Он. Вы не сочтете меня чересчур навязчивым, коли я еще задам вопрос: где вы снимаетесь? Я простой смертный, и мне, естественно, очень интересно.

Она (*счастливо*). Я вас не понимаю.

Он. И я тоже не понимаю: неужели вам не могли дать отдельное купе? Такая актриса известная...

Она (*даже задохнулась от восторга*). Так вы подумали?.. Нет, вы это серьезно?!

Он (*улыбаясь*). Что вы! Вы всего лишь на нее похожи – ведь так?

Она. Да, я на нее немного похожа – так говорят.

Он. И голос похож, и лицо, и прическа, да? (*Мягко*) Я вас понимаю, как вы устали от всех этих автографов, все время на вас глазают, будто в зоопарке... как вам хочется оградить свое право на обычную жизнь.

Она. Значит, вы серьезно?! (*Даже задохнулась совсем*

счастливы.) Послушайте, вы не сумасшедший?

Он. Учтите: все сумасшедшие – всегда сумасшедшие в свою пользу. У нас на Украине так говорят: «Нема сумасшедших, которые свои стекла бьют, – все чужие».

Она (*потерявшись от счастья*). Очки наденьте!.. Я – не она, правда!

Он. А что такое правда? Строка Горация: «Быстро стареют в страданиях для смерти рожденные люди». Впрочем, мы с вами сейчас выясним эту самую правду – хотите?

Она. Я не поняла.

Он. Это простого проще: сейчас я задам вам несколько вопросов. И вы на них ответите – за нее в воображении... Ведь вы не она?

Она. Не она я, не она!

Он. И за себя в реальности. Идет?

Она. Послушайте, какой же вы веселый человек! Просто прелесть. Я сейчас была в таком подавленном настроении, жить не хотелось. А вы меня так развеселили.

Он. Вопрос первый. Как по-вашему: вы... то есть она – счастливы?

Она. Знаете, я хожу в кино на все ее фильмы, и мне что нравится? Она играет веселые фильмы, а сразу видно, что человек она – грустный.

Он. Значит, она – нет. Про вас я не спрашиваю. Итак, вы обе – нет.

Она. А почему вы про меня не спрашиваете? Это так за-

метно?

Он. Вы хотите возразить или перейдем к следующему вопросу?

Она (*вздыхнув*). Перейдем.

Он. Вопрос второй. Вы замужем?

Она. Ну как бы это сказать: меня, одним словом, бросили... (*Спохватившись*.) Нет, это я его бросила... (*Вздыхнув*.) Нет, пожалуй, он – меня... (*Темпераментно*.) Просто мне обидно, что меня бросил человек, который вообще-то был не в моем вкусе. (*Вздыхнув*) Нет, он был в моем вкусе... (*Нежно*) Такой плохонький-плохонький.

Он. Значит, вы – не замужем? А она?

Она (*таинственно*). Я слышала, сейчас... тоже – нет!

Он. Что ни ответ – совпадение. Что нам делать с этой правдой?

Она. Ну я не знаю! Ну я не она!.. (*Счастливо*) Ну честное слово...

Он. Ну конечно, конечно... Мы просто с вами дурачимся... Говорят, вы... то есть, простите, она... едет на кинофестиваль в Канны?

Она. Вот!.. Это – она! А я еду к подшефным – Дедом Морозом!

Он. Ну мы с вами играем, не так ли... Так что давайте вообразим, что вы, то есть она, приехали вместо подшефных на этот самый Каннский фестиваль. Вообразили?

Она. Вообразила.

Он. И в вас там безумно влюбился какой-нибудь знаменитый Сорди, допустим... Нет, Сорди – это комик. Бельмондо – вот кто в вас влюбился.

Она. Может, Сорди лучше? Бельмондо в меня не влюбится... А Сорди – он такой смешной, симпатичный, как малыш Карлсон.

Он. Бельмондо! И никаких гвоздей.

Она. Какой же вы весельчак – ну просто прелесть.

Он. И Бельмондо говорит: «Прошу вашу руку и сердце...» И что же вы... то есть, конечно, она... ему ответите?

Она. Я отвечу так: «Знаете, Бельмондо, это как-то даже неудобно, мы совсем не знаем друг дружку. А во-вторых, и это главное, вы, простите, мне не нравитесь... Вы, конечно, как говорится, «мужчина знойный», но немного, простите, нахальный... А я скромных люблю...»

Он. Как?! Бельмондо вам не нравится?!

Она вздыхает.

А кто же тогда вам нравится?

Она (*снова вздохнув*). Апокин.

Он. Кто?!

Она. Нутам был один тип, вы не знаете.

Он. Но Бельмондо не уступает! «Послушайте, говорит, я вас люблю безумно! Я не привык к отказам. Я возьму вас приступом, как мушкетер! У меня шикарный дом в этих са-

мых Каннах! С бассейном! Как говорится в сказках Андерсена: «Мы будем жить в нем долго-долго и умрем в один день».

Она (*проникновенно*). Я на это отвечаю: «Бельмондо, поймите. Я вон Апокину это же говорила: если мне человек не нравится – ничего у меня не получится. Я или зачахну, или, хуже, напьюсь с горя и утону в вашем бассейне».

Он. «Ну что ж, не судьба», – отвечает Бельмондо. Тогда разрешите попросить автограф... на память о нашей встрече. (*Протягивает листочки авторучку*) Я буду показывать его на работе.

Она величественно подписывает.

Ах, какая царственность, какая женская томность.

Она. Да ну вас! Надоело! Глупость какая – то! (*Раздраженно*) Не она – я! (*Почти кричит*) Понятно?

Он. Ну, конечно, вы – не она. Что я – идиот, что ли? Вам просто нравится походить на нее! Вы чуть с ума не сошли от счастья, да?

Долгое молчание.

Она. Зачем вы это сделали?

Он. Чтобы вы поняли, как это просто – стать повелительницей, то есть женщиной. Я вошел в купе – вы сидели несчастная, жалкая... Все ваши движения были поспешны, суетливы... Если бы вы видели, как испуганно спрятали вы

сумочку... Будь я вором, я сразу бы сообразил – там у вас деньги, и немалые. (*Лукаво засмеялся.*)

Она неловко, принужденно подхватила его смех.

Но вот я начал игру – и как скоро вы преобразились. Вы стали королевой! О, если бы вы видели царственную величавость, с которой вы подписали смятую бумажку... И это чудо сотворил не я. Нет! Мое восхищение вами. (*Проникновенно.*) Запомните: женщина всегда держит перед собой зеркало – это глаза мужчины. Если в этих глазах: как ты красива, как ты умна – она тотчас становится красивой и умной... А теперь рассказывайте мне все-все. (*Добро, отечески.*) Все-все-все.

Она. Какой вы положительный человек. Мне действительно хочется вам все рассказать. Глаза у вас – отзывчивые. Сегодня ровно пять лет, как я познакомилась с этим типом... ну, с Апокиным. Я тогда тоже в новогодней бригаде участвовала – только Снегурочкой. А Дедом Морозом у нас был Локотко, грузчик. А Апокин был Дедом Морозом в первой бригаде, а Снегурочкой у него Гуслицер была, из кадров. Ну, наш Дед Мороз – Локотко сразу глаза налил, и Апокин пришел к нему помогать бороду снимать. Так он мне сразу понравился. Скромный. И спрашивает меня застенчиво: «Как тебя зовут?» А я отвечаю: «Как мама назвала». А сама умираю хочу познакомиться, но женская гордость, сами

понимаете... А его Снегурочка – Гуслицер, вижу, суетится: волосы ему поправляет, то да сё. А когда мне человек нравится, я ревнивая по-страшному, – ну просто войной иду! И говорю я Апокину сама: «Я сейчас шубу Снегуркину пойду сдавать в костюмерную, подождите меня – и вместе обратно поедем...» Ну Гуслицер просто померла от моей наглости. Но я свое везение знаю; если мне хочется, чтобы человек меня дождался, наверняка что-то произойдет – и не дождется... Теперь отгадайте, что я сделала, чтобы он дождался! Ну? Слабо?!

Он. Слабо!

Она (*хитро*). Я ему сумочку свою с документами подержать дала, представляете? Ну не уйдет же он с моей сумочкой? Гуслицер просто в отпаде! А я переодеваюсь и говорю себе: «Все! Аэлита, ты потеряла лицо...» Знаете, я когда влюбляюсь – будто в облаке хожу. И все вижу, как из этого облака... Мне даже один человек, он хорошо ко мне относился... всегда говорил: «Аэлита, не приставай к мужчинам!» (*Страстно*) Потому что, когда мне человек нравится – такая темпераментная становлюсь. Ужас! (*Остановилась*) Кстати, Аэлитой меня мать назвала... Она, когда я появиться должна была, кино одно старо-старое посмотрела... И там героиню звали Аэлита. Она – марсианка была... Красивое имя?

Он (*проникновенно*). Очень! Очень!

Она. Ну вот! Короче, Апокин с моей сумочкой дождался

меня тогда... на мое несчастье... Что-то я все болтаю, болтаю, жалуюсь, жалуюсь. Просто глаза у вас положительные.

Он. Вы позволите мне... только не считите, ради бога, за навязчивость – попросить вас принять мое почтительное приглашение отужинать со мной в вагоне-ресторане.

Она. Ой, как мне нравится, когда вы так говорите! Ну, вежливо – просто кино про прежнюю жизнь. Только я, к сожалению, – пас. Нельзя мне на ночь. Итак в вельветовые брюки не влезаю. Загадка: ем мало, нервничаю много – и все равно толстею. Кость, видать, широкая.

Он. И опять же: не считите за назойливость или настырность, но я вынужден повторить свое приглашение.

(*Лукаво*) Вы мне пожаловались, ведь так? А теперь мне хочется посидеть с вами за бокалом доброго вина – немного тоже... пожаловаться. (*Чуть резко, по-мужски.*) Ну, пойдете со мной в ресторан?

Она. Ну конечно, пойду, вы сами знаете.

Он. Тогда я попрошу вас удалиться на время, я облачусь во фрак по сему торжественному случаю.

Она (*хохочет*). «Во фрак», ну вы скажете! Какой веселый. Просто... (Только махнула рукой и встала.)

Он (*лукаво*). Сумочку из-под подушки не забудьте, а то пропадет... (*Засмеялся*)

Она тоже засмеялась его шутке, погрозила ему и вышла из купе. Он быстро, бесшумно вынимает из-под подушки ее сумочку, раскрывает, ловко ощупывает содержимое, усмех-

нувшись, защелкивает и кладет обратно под подушку. Потом раскрывает свой чемодан и вынимает оттуда форму генерала, переодевается. Кричит: «Аэлита! Заходите!». Она входит. И, ахнув, в восторге глядит на него.

Она. Ну надо же! Я сразу поняла, что вы человек особенный. А погоны у вас какие... интересные...

Он (с достоинством). Это – техническая служба. Генерал – это ведь звание... А по профессии я – ученый...

Она. Как? Вы еще и ученый! Ну дела! А меня только что за вас, товарищ генерал-ученый, проводница обхамила! Я стою в коридоре, а она подходит и говорит: «Гражданочка, у вас в купе – мужчина, я вас могу перевести в купе к женщине...» «А зачем, отвечаю, я не просила, я могу и в своем ехать». А она будто про себя и говорит мне: «Я, например, с незнакомым мужчиной одна на ночь ни за что не осталась бы». Представляете? «Вот вы, говорю, и не оставайтесь. А я в себе уверена, мне бояться за себя нечего!»

Он. По-моему, здорово ответили.

Она. Да, я, когда надо, такая хабалка, так пушу «вдоль по Питерской...» Вообще я в этом купе очутилась, потому что других билетов не было. Оно такое дорогое. Наших всех на автобусе повезли до места, а я по дороге мать в деревне навестить хочу. Купила я этот билет и, конечно, мучаюсь. Ну, думаю, – ехать ночью, а с моим везением наверняка какой-нибудь подонок, простите за выражение, попадется. Ко мне обычно такая шваль пристаёт! И вот надо же – генерал!

Нет, сегодняшний день у меня со знаком «плюс».

Он. Ну, двинулись?

Она. Пожалуй, шапку сниму... Нет, пожалуй, не буду. А то у меня волосы сегодня – полуфабрикат... Нет, пожалуй, сниму... Нет, не буду. Женщине, говорят, ведь можно в шапке?

Он. Женщине все можно – запомните!

Она. Сейчас мы мимо проводницы пойдем – она просто скончается от зависти... Кстати, товарищ генерал-ученый, я ведь до сих пор не знаю, как вас зовут. Хотя, конечно, можно остаться на местоимениях: он и она. *(Округлив глаза)* Тайнственно...

Он. Ради бога, простите. Это моя вина. Старею. *(Представляясь.)* Андрей Андреевич.

Она. Очень приятно... А я, значит, Аэлита... Аэлита Ивановна.

В вагоне-ресторане. Генерал и Аэлита. Официант, высокий, белокурый, молча накрывает на стол.

Значит, вы генерал. А я самый что ни на есть обычный товарищ. Работаю на химкомбинате. Разочарованы?

Он. Почему, это очень нужное дело.

Она. Дело-то, конечно, нужное. Только у меня работа там скромная. Я накладные оформляю... Мы спирт отпускаем предприятиям.

Он. Спирт оформляете? (*Усмехнулся, задумался.*)

Она. Ну вот! Вы наверняка в душе улыбаетесь! Не работа – сплошной анекдот. Кому расскажешь – сразу шутки... А наши грузчики... (*Хохочет, вдруг вспомнила.*) Скажите, очень смешно, что я стараюсь быть похожей на эту актрису... Мне Апокин... ну этот тип...

Он. Которого вы бросили.

Она. Который меня бросил... «Ты, говорит, обезьяна, над тобой все смеются». А если она мне нравится, я ее люблю. Разве можно над любовью смеяться?

Он (*негодующе*). Никогда!

Она. Вы только не подумайте... Знаете, все девочки хотят стать актрисами – я не хотела. Я хотела стать дворником. Да, так мне нравилось наш сад подметать: листья шуршат шуршур! А потом я как-то кино с ней посмотрела!.. Даже в самодеятельность из-за нее определилась, а потом в хор. А когда я еще была помоложе – я ей на все премьеры цветы таскала. И вот, представляете, однажды денег у меня нет, а у нее – премьера. И все равно – цветы достала. Страшно сказать, где взяла. Вовек не отгадаете! На спор.

Он. Тоже мне бином Ньютона. Пошли на кладбище и забрали цветы с могилы.

Она. Потряска! Нет, как вы все понимаете! Но я их потом в получку положила обратно! Но что ж это я все болтаю. Я иногда такая активная становлюсь! Давайте лучше вы о себе расскажите.

Он (*скромно*). Ну, я доктор технических наук.

Она (*восторженно*). Технические!

Он (*столь же скромно*). Профессор.

Она. Профессор!!!

Он. И еще...

Она. Как – еще?!

Он (*совсем скромно*). Почетный доктор Кембриджского университета. Это в Англии – прелестный городок, не бывали?

Она. Не приходилось.

Он. Если, конечно, вам интересно, я расскажу про церемонию посвящения в доктора в Кембридже.

Она. Ну конечно, интересно. Ну как же это может быть неинтересно – про церемонию...

Он. Туда съезжаются все знаменитости. Со всей Англии. Даже королева приезжает.

Она. Вот на кого я хотела бы посмотреть – на королеву.

Он. Ничего особенного, женщина как женщина. Только на голове – корона.

Она. Замужем?

Он. Кто?

Она. Королева.

Он. Да... За королем. (*Поспешно*) И вот вручает она мне почетный диплом с серебряным тиснением, орлами. И мантию.

Она. «Мантия». Слово какое... благородное. А она из че-

го пошита? Ничего, что я любопытничаю?

Он. Ради бога. Из шелка, а воротник – норка.

Она. Со вкусом. Интересная у вас жизнь.

Он. Только кажется. (*Устало*) Ну стал я доктором в Кембридже. Стану академиком. А дальше?

Она сочувственно кивает.

Самое страшное в жизни – это когда ты достиг, когда нечего искать, а это смерть.

Она горестно вздыхает.

В войну напряжение было какое, а инфаркты были редкость. Почему? Потому что инфаркты не от стресса, как считают, а от скуки!.. Поэтому я решил: начать все сначала... Она (*захлопала в ладоши*). Потряска!

Он. Да. Что я выносил с наших бесконечных заседаний, научных президиумов? Полный мочевого пузырь, простите за выражение! И я бросил свой академический НИИ, вот поступил в оборонную промышленность. Там и говорильни любимой нашей поменьше.

Она. Да-да... Ведь как? Собрание идет, а мы, спим, спим...

Официант (*подходит*). Ресторан закрывается, товарищи. (*Кладет счет*) Позвольте расплату.

Они вернулись в купе.

Он. Вы – прекрасная женщина. Как много занятий у прекрасной женщины! (*Как стихи*) Она должна: родить ребенка, растить ребенка, встречать знакомых, болтать с ними, готовить еду, доставать еду, любить мужа, не любить мужа, плакать в свой день рождения, надеяться в пятницу, что в понедельник у нее начнется новая жизнь, и главное – слушать капли дождя и ждать, ждать чего-то и надеяться, привыкая ждать и надеяться каждый день, как привыкают чистить зубы по утрам...

Она. Как вы хорошо говорите, просто до слез. Жаль, знаете, что у меня нет ребенка... Теперь бездетные собак заводят... Я тоже хотела собаку... даже кошку хотела... потом на хомячка была согласна. Но условия не позволили: соседи возражают. Я ведь подселенец. Кроме меня в квартире – еще одна семья, молодожены. Отгадайте, что я сделала? Никогда вам не догадаться, на спор? (*Проникновенно*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.